

# Очерки охотничьей жизни.

## „Четыре времени года“.

(Грезы прошлого).

### III.

#### „Осенью“.

„Желтѣетъ листь; туманы надъ долиной;  
Сквозь сумракъ лучъ отраднѣй не блеснетъ...  
Чу! Съ неба крикъ несется журавлиный.  
На дальнѣй югъ сегодня ихъ отлетѣть.

*Д. Павловъ.*

Сентябрь на исходѣ. Погода болѣе чѣмъ невозможная стоитъ уже почти недѣлю: день и ночь сыплеть мелкій, холодный, чисто осенній дождь, срываясь съ густыхъ, низко нависшихъ надъ землею темно-дымчатыхъ хлопьевъ тучъ. Ни просвѣта среди этихъ тучъ свинцовыхъ, ни клочка, хотя бы ужъ не голубого, а хоть немного болѣе свѣтлаго, чистаго неба. Почти всѣ уже листья на деревьяхъ отливаютъ червоннымъ золотомъ; да и осыпалось ихъ чуть-ли не на половину; только одинъ дубъ не поддается еще пока и борется крѣпкій старикъ со всесокрушающей осенней природой, не сбрасывая своего листа, хотя ужъ и желтовато-зеленаго. Какую грустную картину представляютъ въ настоящее время эти старыя березы, эти липы столѣтнія, возвышающіяся подъ моими окнами, выходящими въ нашъ парк!.. Тяжело ползутъ по ихъ вѣтвямъ и стволамъ обнаженнымъ крупныя дождевыя капли и, точно слезы горючія, тяжело падаютъ на мокрую грязно-сѣрую землю. Небо ли оплакиваетъ увяданіе природы, сама ли

\* \* \*

„Когда въ селахъ пустѣть,  
Смолкнуть пѣсни селянъ,  
И сѣдой забѣлѣть  
Надъ болотомъ туманъ,  
Изъ лѣсовъ, тихомолкомъ,  
По полямъ, волкъ за волкомъ  
Отправляется все на добычу“...

Гр. К. Толстой.

Было раннее утро сѣренькаго осенняго дня, когда наша всегдашняя охотничья компанія тихо подъѣхала къ Черкасскому крѣпкому болоту и остановилась въ полуверстѣ отъ него. Не обошлось безъ легкой путаницы и, такъ нежелательнаго всегда въ такомъ случаѣ, небольшого шума. Мы впервые въ эту осень приѣзжаемъ со своей охотой къ Черкасскому болоту и знаемъ, что здѣсь гнѣздится по крайней мѣрѣ хотъ два волчьихъ выводка, еще раньше подвытыхъ и не разъ проверенныхъ; а сколько лисьихъ выводковъ, сколько прибылыхъ волчишекъ лежитъ по этому болоту крѣпкому, обширному, сплошь поросшему ольхою густою, непролазною, — такъ это только вообразить себѣ можно!..

Съ нами только шесть смычковъ гончихъ изъ нашей большой стаи взяты; но за то, что же это за гончія только: лучшіе звѣрогоны, лучшіе представители изо всей стаи. Здѣсь и „Выплачь“ \*), краса и честь всей нашей охоты, и „Будило“, и „Пройда“, и „Поповичъ“, и „Поповна“ и другія такія, изъ которыхъ каждая сама по себѣ стоитъ стаи. Однимъ словомъ, эти пять смычковъ всегда брались на звѣровыя въ крѣпкихъ мѣстахъ охоты. Вонъ они всѣ, все удаляясь и удаляясь отъ насъ, виднѣются чернымъ, движущимся пятномъ, окружающимъ доѣзжачаго Максима, то почти скрываясь изъ глазъ, то снова выступая рельефно среди молочно-бѣлаго тумана, густыми хлопьями подымающагося съ болота. Въ обходъ болота повелъ Максимъ шесть лучшихъ смычковъ звѣрогоновъ, чтобы набросить ихъ отъ деревни Старой-Безплодовки.

Насъ незачѣмъ разводить по мѣстамъ; мы заранѣе еще, дома, номера изъ непомѣрной палахи Махая вынули, — и

\*) См. „Былыя собаки“. Пр. и Ох. Сентябрь. 1893 г.

теперь осторожно, медленно, подвигаемся по надъ краемъ болота, примыкающаго къ сосновому лѣсу, оставляя на каждомъ, всѣмъ извѣстномъ лазу, по одному охотнику. Плохихъ лазовъ нѣтъ въ Черкасскомъ болотѣ; всѣ лазы хороши, всѣ вѣрные. Ужъ какъ бы не хотѣлось звѣрю выходить изъ крѣпкаго насиженнаго мѣста, а только не удержаться ему тамъ, ни за что не удержаться; сколько бы круговъ по болоту ни далъ онъ, настигаемый злобной стайкой, а уже выжить его оттуда такъ или иначе добрые гонцы, поощряемые зычнымъ, знакомымъ имъ голосомъ Максима.

Мнѣ достался самый послѣднй номеръ, почти примыкающй къ выгону деревни, и я со всѣхъ ногъ поспѣваю туда, боясь не поспѣть до начала гона. Мнѣ и досадно на этотъ послѣднй номеръ и я доволенъ на него въ то же время. Досадно потому, что стрѣлять, навѣрное, мнѣ меньше другихъ доведется, такъ какъ врядъ ли молодяжникъ выводка, еще не искушенный жизненнымъ опытомъ, можетъ запроситься сюда; другое дѣло—старики и шумовые, уже н разъ бывалые въ передѣлкахъ:—тѣ обязательно будутъ здѣсь, какъ только раздастся первый звукъ голоса, наскочившей на слѣдъ собаки.

— Смотри, не зѣвай!—напутствуетъ меня отецъ, останавливаясь на предпослѣднемъ отъ меня номерѣ.

Я только догадливо киваю въ отвѣтъ головой и еще ускореннй шагаю дальше, отлично зная, что хотѣлъ сказать онъ этимъ „не зѣвай“; мнѣ даже насмѣшка легкая слышится въ этихъ словахъ и я понимаю, хорошо понимаю, что она всецѣло относится къ прошлогодней осени, когда я на этомъ же лазу, благодаря только своей молодой горячкѣ, залѣзъ въ ольхи густыя и прозѣвалъ матераго.

— Ты, юноша, на самомъ мыскѣ стань, у куста густого, да и поглядывай на обѣ стороны; хоть и гона еще не будетъ, а ты все жъ таки поглядывай!—говорить мнѣ Иванъ Алексѣичъ, подходя къ своему лазу.

Я ему не отвѣчаю ни слова, но мнѣ еще досаднй дѣлается отъ его совѣтовъ. Кажется, расплакался бы даже

я со злости. Да и въ самомъ дѣлѣ, что же они всѣ меня за дурака, что ли, считаютъ? Ужъ будто, если разъ съ человѣкомъ случилось несчастье, такъ уже оно каждый разъ обязательно будетъ повторяться, что ли?.. Мало ли чего съ кѣмъ не бываетъ! Вѣдь убилъ же разъ такой старый и опытный охотникъ, какъ Махай, деревенскую желтую собаку вмѣсто лисицы; а туда же, носомъ дурацкимъ закрутилъ, когда сегодня утромъ мнѣ достался послѣдній номеръ... еще осмѣлился даже предложить мнѣ помѣняться съ нимъ номерами... „Не беспокойтесь, Иванъ Петровичъ, не беспокойтесь, — только бы „онъ“ вышелъ на меня, лучше вашего справимся“!.. злобствую я, чуть не бѣгомъ уже устремляясь къ своему лазу на мыскѣ.

Я залѣзъ почти въ средину этого куста густого, осторожно срѣзалъ ножомъ мѣшавшія мнѣ вѣточки, вскинулъ ружьемъ въ разныя стороны и замеръ въ томительномъ-страстномъ ожиданіи.

Не расходясь, нависъ густой туманъ надъ болотомъ обширнымъ; точно кто пелену сплошную дымчатую набросилъ надъ нимъ, и покрылъ его сплошь пеленою этой, зацѣпившеюся за вершины обезлиственныхъ ольхъ... Мертвая, нѣмая тишина; ни звука нигдѣ, ни движенія; какъ-то давить даже меня тишина эта, ничѣмъ ненарушаемая, точно дышать мнѣ даже тяжелѣй въ этомъ неподвижномъ, сыромъ воздухѣ глубокой осени... Хоть бы звукъ какой живого существа поскорѣй прорѣзалъ воздухъ этотъ влажный! хоть бы вѣтерокъ легонькій набѣжалъ откуда-нибудь и тихонько такъ, ласково прошумѣлъ по вѣтвямъ ольхъ обнаженныхъ, да листья на землѣ мокрой, что золото червонное разсыпанные, взбудоражилъ!.. Да, жалкую картину представляетъ болото ольховое, тогда какъ сбоку отъ него, почти касаясь его черныхъ, неприглядныхъ деревьевъ, широко разросся вѣчно одѣтый, зеленый сосновый лѣсъ, выступающій еще рельефнѣй среди окружающей его умирающей въ послѣднемъ вздохѣ природы. Гордо, стройно и свободно высятся могучія, старыя сосны, во всѣ стороны раскинувши свои огромныя вѣтви; что имъ за дѣло, что все вянетъ, умираетъ вокругъ нихъ; они не подчиняются

этому всеобщему разрушительному закону осени и много-много уже лѣтъ глядятъ они сверху на осеннюю болѣзнь и затѣмъ смерть природы; спокойно, величественно стоять онѣ, густо прикрытыя своими иглами зелеными и не страшны имъ ни дожди осенніе, ни выюги снѣжныя, студеныя, ни морозы трескучіе...

Низко, низко очень, почти касаясь вершинъ сосноваго лѣса, тихо гогоча протянуль запоздавшій табунокъ гусей. Они такъ близко отъ меня, что много и много усилій мнѣ стоитъ удержаться и не послать имъ вслѣдъ, одинъ за другимъ, два заряда трехнулевой дроби. О, я навѣрное свалилъ бы двухъ, а не то, такъ и трехъ этихъ большихъ крѣпкихъ птицъ! Я даже ружье невольно вскидываю по направленію этого, точно плывущаго мимо меня табунчика и съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнія сейчасъ же опускаю его внизъ. Сбоку меня беззаботно попискиваютъ синички, эти предвѣстницы близкой зимы, перепархивая съ вѣтки на вѣтку; да пестрый дятель, прицѣпившись къ стволу одной изъ старыхъ сосенъ, усердно долбить въ ней, разрушая своимъ стукомъ однообразнымъ мертвую тишь осени.

Мнѣ кажется, — очень уже давно пошелъ Максимъ заводить собакъ отъ деревни; по моему, давно уже пора ему набросить ихъ, давно пора отозваться лучшему, чутыистому выжлецу Выплачу, давно пора и какому-нибудь шумовому звѣрю пробраться на мой лазъ; но тихо, тихо все въ болотѣ густомъ.

Не отрываясь, заглядѣлся я влѣво на чуть замѣтную, змѣйкой выющуюся среди ольховыхъ кустовъ, тропочку, проторенную звѣрями. Мнѣ почему-то кажется, до полной увѣренности кажется, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ только по этой тропочкѣ, появится первый звѣрь, будь онъ шумовой или гонный — все равно. Я слышу усиленное бѣеніе моего сердца; точно туманъ какой густой заволакиваетъ мои глаза и я жду, жду все страстнѣй, все нетерпѣливѣй..

Тихо въ болотѣ. Еще ни одна гончая не отозвалась; смычекъ даже не лязгнуль; а ужъ я знаю, что насторо-

жился опытный, осторожный материкъ, уловивши своимъ чуткимъ ухомъ какіе-то звуки далекіе, подозрительные; точно шелестъ какой-то дальній, точно вздохъ чей-то до-несся до него отъ деревни. Неохотно поднялся на ноги старый; жаль ему разставаться со своимъ логовомъ на-леженнымъ, теплымъ; да, должно быть, нечего дѣлать, хо-чешь — не хочешь, а надо покидать свою постель удоб-ную и уносить, пока можно, свою шкуру теплую. Потя-нулся старый бродяга, еще разъ прислушался повнима-тельнѣй къ этимъ подозрительнымъ, давно - давно уже знакомымъ ему звукамъ, и затрусилъ вонъ изъ ольховаго болота, все ускоряя и ускоряя свой бѣгъ. Только бы ему изъ болота благополучно выбраться, да перемычку между бо-лотомъ и сосновымъ лѣсомъ перемахнуть, а тамъ — ищи вѣтра въ полѣ! тамъ ничего не подѣлаютъ ему ни собаки злобныя, ни тѣ люди ненавистные, которые навѣрное уже разстановились по опушкѣ болота и ожидаютъ его съ при-готовленіями. — Ждите, ждите!.. Не дожидаться вамъ бро-дягу стараго, въ разбояхъ посѣдѣвшаго, опытнаго! Такъ вотъ и полѣзъ онъ на васъ, дожидайтесь, какъ же!.. Тоже, нашли дурака!.. Нѣтъ, пока еще есть время, онъ тихо-тихо, крадучись, проберется въ самый край болота, что почти касается выгона деревенскаго; а и тамъ, все-таки осторожность не мѣшаетъ: ползкомъ почти прошмыгнетъ по давно уже извѣстной ему тропочкѣ, прошмыгнетъ къ самой опушкѣ такъ, что и листъ сухой, опавшій, не за-шелеститъ у него подъ ногами, и выставитъ изъ-за куста густого свою голову лобастую, зорко вглядываясь: не ви-дать ли гдѣ сбоку [врага — человѣка?... Да тамъ и нѣтъ никого, навѣрное; кто же у самой деревни почти карау-лить его станетъ!.. Ну, а тамъ, нечего дремать: такъ и кинется матерой, во всю прыть своихъ ногъ воровскихъ къ лѣсу густому сосновому, который радушно распахнетъ ему свои объятія и скроетъ въ раступившихся передъ нимъ, заросляхъ густыхъ, непролазныхъ... Еще разъ от-дѣлается старый, навѣрное отдѣлается!..

Точно кто толкнулъ меня вдругъ; точно инстинктивно почувствовалъ я приближеніе стараго разбойника и еще

и еще крѣпче впился руками въ прикладъ ружья, еще пристальнѣй, не отрываясь, засмотрѣлся на тропочку, влѣво отъ меня проторенную...

А, вотъ! Дождался таки я его, плута стараго... Изъ-за куста по той же тропочкѣ выглянула широколобая голова... Я только мелькомъ успѣлъ разсмотрѣть эту голову лобастую, съ чутко настороженными ушами, какъ ужъ вся матерая фигура стараго волка въ одинъ мигъ отдѣлилась отъ кустовъ болота и неуклюжими, но легкими прыжками понеслась черезъ перемычку...

Я положительно не помню, какъ я поднималъ ружье къ плечу, какъ приложился и наиблистательнѣйшимъ образомъ пропуделялъ въ пятнадцати—двадцати шагахъ изъ праваго ствола. Помню только, что въ это мгновеніе одинъ вопросъ: „Господи! да неужели же промахъ“?.. такъ и стоялъ въ моемъ мозгу. А тутъ еще мимолетно пронеслось представленіе о томъ, какъ будутъ смѣяться надо мною отецъ, Махай, Иванъ Алексѣевичъ и другіе, — и я быстро оправился: аккуратно повелъ ружьемъ за удирающимъ во все лопатки послѣ перваго выстрѣла волкомъ и шагахъ въ пятидесяти нагналъ таки его трехнулевыми снарядами по мѣсту... Точно сразу подкошенный рухнулъ матерой на сырую землю и растянулся неподвижно. Почти половина дробы, идущей на зарядъ, какъ оказалось впоследствии при осмотрѣ, угодила ему кучей подъ переднюю лопатку.

Я не утерпѣлъ таки: сбѣгалъ посмотрѣть на сваленнаго мною матераго и опять на свой лазъ вернулся, ружье зарядилъ, а все не могъ никакъ успокоиться послѣ только что случившагося; точно лихорадка меня сильная всего колотить... Опять внимательно гляжу я на тропочку, а все, нѣтъ-нѣтъ, да и перекошу глаза вправо, на эту лежащую неподвижно буровато-сѣрую тушу.

Гулко прокатился выстрѣлъ гдѣ-то въ концѣ по линіи и какъ бы въ отвѣтъ ему, какъ бы отзвукъ его самого, тамъ далеко, далеко отъ деревни, въ болотѣ, не то ревъ какой-то злобный, не то плачь боли нестерпимой, пронеслись первые звуки гона стаи. Загудѣлъ рогъ Максима

„по красному“. Да, хоть бы и не гудѣлъ этотъ рогъ „по красному“, мнѣ кажется, что всякому, такъ-же какъ и мнѣ, долженъ быть понятенъ этотъ звукъ горячо сразу начавшагося гона! Развѣ можетъ не „по красному“ такъ гнать наппа, испытанная не разъ, образцовая по паратости и злобѣ стайка?.. Точно подъ ножемъ, захлебываясь и обрываясь на самыхъ высокихъ нотахъ, плачетъ „Пройда“; „Поповна“—вторить ей, будто звонъ отдаленнаго серебрянаго колокольчика; съ заливомъ стонетъ „Будило“; металлически звучить чудный баритонъ вожака „Выплача“—и, точно позади гдѣ-то, точно отставшій далеко отъ всей скученной на гону стаи, нѣтъ-нѣтъ, да и пуститъ свою могучую октаву восьми-осенній „Поповичъ...“ Кто изъ охотниковъ не знаетъ этого громаднаго выжлеца „Поповича“, съ порванными чуть не въ клочья, обоими ушами, съ вытекшимъ однимъ глазомъ, послѣ доброй схватки съ подстрѣленнымъ матерымъ? Восемь осеней уже безсмѣнно работаетъ онъ такъ, что хоть бы и молодой, паратый, двухъ-осенній выжлецъ. Потрудился не мало на своемъ вѣку „Поповичъ“, а все также злобенъ и нестомчивъ остался, какъ и прежде; все тотъ же у него басина могучій, одной своей нотой низкой, глубокой, покрывающій всѣ другіе голоса...

Боже! какъ чаруетъ, какъ захватываетъ меня этотъ дружный гонъ!.. Будто крылья вдругъ вырастаютъ у меня за плечами; будто летишь, плывешь куда-то легко и свободно... А какой радостью, какимъ счастьемъ наполняется моя грудь въ эти минуты чудныя; какъ сладко, мучительно сладко, то почти вовсе замреть, то усиленно заколотится сердце... Все бы отдалъ, всѣмъ бы пожертвовалъ за такія минуты дивныя, только бы дольше тянулись онѣ, продолжались бы безъ конца, вѣчно...

„Пусть этотъ гонъ передо мной

Въ минуту скорби пронесется!..“

сказалъ поэтъ, и правду сказалъ, великую правду... Какая же скорбь, хотя на время, не слетитъ съ души, что камнемъ тяжелымъ, непосильнымъ давила ее, бѣдную, и не умчится прочь при звукахъ этого гона чуднаго, когда точ-



но буря вдругъ грянетъ въ островъ, точно хаосъ какой-то невообразимый поднимется тамъ, и на легкихъ, воздушныхъ крыльяхъ понесется къ вамъ навстрѣчу, весь лѣсъ заполняя своими звуками дивными, могучими... Да, жалокъ тотъ, кто не переживалъ такихъ мгновений, кому недоступна, непонятна эта страсть всесильная!.. Жить, дышать легче послѣ такихъ минутъ, и я счастливъ, надолго счастливъ!..

То и дѣло гремятъ выстрѣлы по линіи. Вотъ я вижу, какъ на сосѣднемъ номерѣ Иванъ Алексѣвичъ свалилъ дублетомъ пару лисицъ. Мнѣ такъ завидно!—Ну, что составляетъ для него этотъ дублетъ замѣчательный, когда въ своей жизни онъ навѣрное дублетировалъ уже не одинъ разъ? Вотъ, если бы мнѣ удалось продѣлать то же—о, какъ бы я былъ тогда доволенъ, какъ счастливъ безгранично!.. думаю я, ожидая каждую минуту на себя звѣря.

Все ближе и ближе ко мнѣ гонъ; точно на рукахъ несутъ звѣря добрые выжлята; вотъ разбился гонъ, какъ бы пополамъ раздѣлился; я даже голоса раздѣлившихся собакъ различаю, чѣмъ угодно отвѣчать могу, что вправо повели звѣря: „Висла“, „Поповичъ“, „Пройда“ и „Будило“, — а лѣвѣй, все приближаясь и приближаясь ко мнѣ, надрываясь, стонуть: „Выплачъ“, „Поповна“, „Золотарька“ и „Заливай“... Еще бы мнѣ не узнать по голосамъ пѣвчимъ, музыкальнымъ нашихъ лучшихъ гонцовъ „по красному“, мою славу и гордость передъ товарищами-охотниками!.. Я знаю, что пройдетъ еще одна, другая, третья томительная минута этого напряженно-страстного ожиданія и, сбоку меня, чуть не по пятамъ преслѣдуемая, пулей вынесется красная красавица и покатится черезъ голову послѣ моего удачнаго выстрѣла.

„Ну, а если промаху? задаю я себѣ вопросъ и въ то же время чувствую, что меня всего даже въ жаръ бросаетъ отъ одного предположенія только подобнаго постыднаго промаха на чистомъ.

Вдругъ, въ этотъ самый моментъ, когда я каждую секунду жду появленія кумушки вправо отъ меня, я вижу, что влѣво, у самага выгона деревенскаго, вынеслась боль-

шая огненно-красная лисица и изо всѣхъ силъ своихъ легкихъ ногъ кинулась черезъ поляну къ бору. Я знаю, что это не та, не гонная, которую я жду столько времени и которая должна сію секунду вынестись изъ болота чуть не въ ноги ко мнѣ,—это другая, шумовая. Неужели же я упущу этотъ случай, первый случай въ моей жизни,—сдѣлать дублетъ по лисицамъ? А какъ бы я былъ счастливъ, неизмѣримо счастливъ, еслибъ удалось только это!.. Отецъ къ моимъ именинамъ обѣщалъ мнѣ новое ружье выписать и подарить отъ самого Новотнаго; но я даже бы и отъ ружья этого отказался, только бы мнѣ удался этотъ дублетъ, хоть разъ въ жизни удался,—и именно теперь, сію минуту...

„Уйдетъ, безъ выстрѣла уйдетъ!..“ мучительно думаю я, глядя вслѣдъ все наддающей и наддающей шумовой лисицѣ и боясь стрѣлять по ней въ то же время, боясь, что звукомъ своего выстрѣла я отпугну гонную лисицу и тѣмъ упущу случай сдѣлать мой первый дублетъ „по красному“.

А ужъ не близко старая кумушка,—шаговъ пятьдесятъ до нея будетъ, не меньше; еще минута-другая и—прощай кума, гуляй себѣ на волѣ по лѣсамъ зеленымъ, да болотамъ топкимъ, густо заросшимъ, гуляй до поры, когда добрые гонцы вновь наекуютъ тебя, да на стрѣлка хорошаго, опытнаго наведутъ!.. Нѣтъ, нельзя ждать дольше, надо стрѣлять! Я поднялъ ружье, старательно прицѣлился и спустил курокъ. И въ ту же минуту, точно подъ ножомъ, заревѣли гонцы у моихъ ногъ. Точно всего обхватилъ меня этотъ гонъ жаркій „по зрячему...“ Шагахъ въ пятнадцать вынеслась молодая лисица и закрутилась на мѣстѣ, послѣ моего выстрѣла.

Эта-то убита,—не уйдетъ! Уже „Выплачь“ насѣлъ на нее и принялъ въ горло; ну, а другая, первая: неужели же я не попалъ по ней и она преспокойно удрала, напуганная только звукомъ выстрѣла и свистомъ близко легшаго снаряда крупной дробы?

Не заряжая ружья и дикимъ голосомъ называя вывалившихся съ болота гончихъ, я со всѣхъ ногъ кинулся къ тому мѣсту, гдѣ стрѣлялъ первую лисицу. Но, о

ужась!.. я нигдѣ не вижу ее лежащею на томъ мѣстѣ песчаного бугра, куда послалъ я ей въ догонку мой выстрѣлъ!.. Я такъ и сную глазами по сторонамъ и не вижу, ни одного пятнышка примѣтнаго не вижу на этомъ желтовато-бѣломъ грунтѣ земли.. Ужась, ужась!..

— Тутъ, тутъ, тутъ, тутъ!..—называю я гончихъ, своимъ голосомъ,—а самъ вотъ-вотъ расплачусь горько, несдержимо.

Во все стороны снуютъ разсовавшіеся собаки, отыскивая слѣдъ; горячаты онѣ невозможно, а я злюсь на нихъ, злюсь неимоверно... Но вотъ „Золотарька“ пріостановилась на полномъ ходу, точно замерла на одну секунду и, заливаясь оглушительнымъ плачемъ, по горячему слѣду скрылась за бугромъ.

— Къ нему! Къ нему, собачки! — ору я, какъ добрый выжлецъ, кидаясь самъ въ догонку за нею.

Чуть съ ногъ не сбиль меня, обгоняя, „Заливай“; остальные двѣ, точно птицы, прошмыгнули мимо меня; но тревога оказалась напрасной: сейчасъ же за бугромъ „Золотарька“ дошла уже мертвую лисицу, которая все-таки прошла послѣ моего выстрѣла шаговъ съ сотню и свалилась у самой опушки бора, не имѣя силъ ввалиться даже въ кусты.

Вѣдь, дублетъ, дублетъ по лисицамъ, господа! О, какъ же я былъ неизмѣримо счастливъ; какой восторгъ, какое блаженство неизвѣданное наполняло мою сладко-волнующуюся грудь, когда я, не дожидаясь даже, чтобы пришелъ человѣкъ подобрать убитыхъ мною звѣрей, забралъ двухъ лисицъ за заднія ноги и, оставивши волка на мѣстѣ, окруженный помахивающими правилами гонцами, запугавъ къ подводамъ, откуда уже несся побѣдно-призывный рогъ Максима и куда подбывали собаки и охотники!

Удачная охота кончилась...

Юность! Счастье мое! Будто сны золотые  
Вы досель озаряете душу мою! .

Н. Яблонскій.